

ИСТОРИЯ НАУКИ

УДК 630*902

Р.В. Бобров

ПОЛВЕКА СЛУЖЕНИЯ РУССКОМУ ЛЕСУ

«Бог в помощь вам, друзья ...»

*А.С. Пушкин***Занятая высота**

(о профессоре С.Н. Сеннове)

Мой друг пришел с Синявинских высот
На краткий отдых, сразу после схватки,
Еще не смыв с лица горячий пот,
Не считив грязь с пробитой плащ-палатки.
Пока в передней, тихий и усталый,
Он плащ снимал и скидывал пилотку, –
Я, вместо «здравствуй», крикнула

– Полтава!

– А мы, – сказал он, – заняли высоту ...

Эти строки написаны ленинградской поэтессой Ольгой Бергольц в сентябре 1943 г., когда наши войска начали одерживать большие победы на Украине. Бои местного значения на Синявинских высотах под осажденным Ленинградом по размаху были меньше, но как много значили эти «высотки» для тех, кто их брал. Сколько больших и малых «высоток» было под той же Полтавой и на всем пути от начала до конца войны! Да и вся наша жизнь состоит из взятия «высоток», определяющих значимость прожитых лет.

Вспомнилось мне об этом при встрече со старым товарищем по Ленинградской лесотехнической академии, теперешним ее профессором, коренным петербуржцем Светозаром Николаевичем Сенновым. Он как раз из тех, кому приходилось брать боевые «высотки» сначала на Ленинградском фронте под Нарвой, затем идти в атаку на «высотки» 3-го Прибалтийского и 1-го Белорусского фронтов. На одной из них Светозар Николаевич получил два пулевых ранения, за другие ордена Славы III степени и Отечественной войны I степени. Второй раз в госпитале С.Н. Сеннов оказался уже при форсировании Одера. Победу он встретил в команде выздоравливающих в польском городе Седлицы. В тот год ему исполнилось 19 лет.

– Домой ехать рано, – решило военное начальство, – пусть еще послужит. Пришлось Сеннову вместо института вновь надевать шинель и опять отправляться за Одер, в Германию. Десятилетка, которую Светозар

Николаевич окончил перед фронтом, изрядно подзабылась. Между солдатскими делами взялся он за школьные учебники. И не напрасно! В лесотехническую академию его приняли сразу на второй курс.

В 1954 г. С.Н. Сеннов окончил академию и в течение 6 лет устраивал самые нехоженые северные таежные леса. Был отличным таксатором, начальником партии. И опять «без отрыва от основного производства» учился, теперь уже в аспирантуре Ленинградского научно-исследовательского института лесного хозяйства. Здесь после защиты диссертации в 1964 г. он и остался на 25 лет, как значилось в характеристике, «ответственной и безупречной службы». С 1985 г. еще 10 лет Светозар Николаевич заведовал кафедрой в своей альма-матер. «По возрасту» передал он ее своему ученику проф. А.Н. Мартынову. И ничуть о том не жалеет. Наконец-то появилось у Светозара Николаевича время подвести итоги тому, что наработано за пять десятков лет.

Многое знают лесоводы. Но и загадок в их профессии более чем достаточно. Познанием законов развития древостоев на разных этапах и занимался Светозар Николаевич Сеннов. И во многом преуспел. Кандидатская диссертация на тему «Рост и формирование смешанных сосново-березовых молодняков» не только определила главное направление его научного поиска по совершенствованию рубок ухода за лесом, но и выдвинула его в число наиболее заметных ученых страны.

Одна за другой выходят книги С.Н. Сеннова «Рубки ухода за лесом», «Рубки ухода в современных условиях», «Рубки ухода за рубежом», «Рубки ухода за лесом на основе целевого программирования», «Уход за лесом (Экологическое обоснование)».

О практической значимости этих работ свидетельствуют объемы рубок ухода тех лет. Для леспромхозов, исчерпавших свои лесосырьевые базы и имевших в избытке производственные мощности, рубки ухода оказались шансом выжить, улучшая при этом леса.

Докторскую диссертацию С.Н. Сеннов защитил в 1977 г. Это было продолжение начатых два десятилетия назад исследований, но уже на более глубокой теоретической основе. Научные основы и программа рубок ухода в хвойных и лиственно-хвойных древостоях южной тайги, разработанные С.Н. Сенновым и изложенные в диссертации, стали основанием для перспективного планирования этого важнейшего вида лесохозяйственной деятельности в целом по стране. Книги С.Н. Сеннова оказались настольными для специалистов отрасли. Высветили они и новые проблемы. Стала очевидной необходимость перехода к уходу за лесом на зонально-типологических принципах. Появляется работа С.Н. Сеннова «Лесная типология», вносящая коррективы и в это важнейшее направление ухода за лесом.

Очередная работа С.Н. Сеннова, в которой он подводит итоги своего 50-летнего опыта и 20-летних наблюдений предшественников за естественной динамикой леса, ждет очереди на издание. Светозар Николаевич полон оптимизма. Дай ему Бог удачи.

К прекрасному поколению относятся «старшины» нашего академического выпуска – 1954 г. Им пришлось и в прострелянной плащ-палатке пол-Европы прошагать, да и в мирное время подтвердили они добрую о себе славу. За их плечами военные и мирные «высотки», о которых потомки будут вспоминать с глубоким уважением.

Достойный путь в «семейной тишине»

(о профессоре И.И. Минкевиче)

Непременным правилом старых интеллигентных семей всегда был принцип «семейной тишины», являвший собою как бы невидимый барьер, ограждавший духовный мир семьи от посторонних глаз и ушей. Выставляя напоказ свои огорчения, несостоявшиеся ожидания, материальную ущербность, плохое самочувствие и даже душевную боль утраты близких считалось неприличным, расценивалось как слабость и проявление плохого воспитания. В обществе этот принцип предопределял сдержанность, достоинство, надежность. Эти качества особенно ценны в людях, с которых в силу обстоятельств берут пример, таких, например, как преподаватели учебных заведений. Учитель он во всем учитель.

С одним из таких учителей довелось мне познакомиться еще в юности, когда мы оказались студентами лесотехнической академии. Сидел этот будущий учитель не впереди перед профессорским взором и не на последней скамье, где дремали завсегдатаи студенческих кутежей, а за пятым столом у окна, где и видно, и слышно хорошо. В академию он приходил за знаниями, а не за дипломом.

Во втором семестре всегда пунктуальный Игорь Минкевич, как звали моего однокашника, с неделю не был на занятиях. Затем пришел осунувшийся, побледневший, но, как всегда, в тщательно отутюженном костюме, подтянутый, с неизменно доброжелательной улыбкой. Уже потом мы узнали, что пропущенные дни занятий у Игоря ушли на похороны отца, который, как оказалось, был видным ученым, профессором и самым близким другом сына. Остался Игорь Минкевич один с матерью, человеком большой доброты и душевности, но очень нездоровым. Если и могла она помочь сыну, то только своим материнским участием в его нелегкой жизни. Академию Игорь Иванович Минкевич окончил с «красным дипломом» и натруженными от случайных приработков руками.

Кто трудился в лесоустройстве, тот знает, как нелегко дается таксаторский хлеб, особенно когда не хватает специалистов и есть надобность заработать во время полевых работ лишней рубль.

Игорь Иванович к таборному костру с маршрута приходил обычно уже в сумерки, не в силах порою и сапоги снять. Зато просыпался раньше всех и до общего подъема успевал привести в порядок полевые журналы, инструменты, имущество, необходимые для очередного выхода в лес. К рабочим выходил так, будто сезон только что начался: побрит, из-под аккумуля

ратной штормовки выглядывает невесть когда постиранная и отглаженная рубашка.

Пяти полевых сезонов И.И. Минкевичу оказалось достаточно, чтобы скромно, но достойно прожить три аспирантских года. Затем экспедиции, командировки, защита кандидатской, докторской диссертаций.

Быстро летит время. При выборе кандидата на заведование кафедры фитопатологии и древесиноведения в родной академии среди претендентов Игорь Иванович оказался первым.

Легко ли руководить двумя десятками кафедральных сотрудников? Непростой народ ученые. Неосторожное слово, казалось бы, безобидный совет могут сделать вчерашних доброжелателей злейшими врагами. На кафедре у Минкевича это исключалось. Выручали все те же принципы «семейной тишины». Он был выше житейских мелочей и хорошо думал, прежде чем принять решение.

Все та же «семейная тишина» сработала и в тот страшный для Игоря Ивановича день, когда оказался он на пороге небытия. Ничто не предвещало в тот день беды. Как и сотни раз до этого, Игорь Иванович спокойно стоял у стола и рассказывал студентам о взаимоотношениях в лесу перед началом массовых лесных болезней. О том, что беда подкралась к нему, Игорь Иванович понял, когда нестерпимая боль резанула ему бок. Он согнулся, сел и уже сидя закончил начатую лекцию. Никто так и не узнал, что остаток дня Игорь Иванович провел на операционном столе. В деканате о случившемся узнали через месяц, когда он сдавал больничный лист.

Скоро 55 лет, как Игорь Иванович Минкевич переступил порог лесотехнической академии. Его имя хорошо известно лесоведам. Игорь Иванович – доктор биологических наук, профессор, прекрасный педагог-методист, глубокий, проницательный ученый, автор десятков учебных пособий и методик по древесиноведению и лесозащите. По ним изучают эти предметы в России и за рубежом. Более двух десятков его аспирантов защитили диссертации, некоторые из них стали ведущими учеными.

Кафедрой фитопатологии и древесиноведения в С.-Петербургской лесотехнической академии И.И. Минкевич заведует уже более 25 лет, и каждое его переизбрание в должности становилось само собою разумеющимся. Он является достойным продолжателем известных корифеев лесного дела Д.Н. Кайгородова, А.А. Ячевского, С.И. Ванина, А.Т. Вакина, Д.В. Соколова, И.И. Журавлева, память о которых бережно хранится на кафедре.

Самым крупным и значимым достижением лесной науки XX столетия признана биогеоценология. Ведение хозяйства на зонально-типологической биогеоценологической основе является главным принципом не только теории, но и практики современного лесного хозяйства. Практическая реализация биогеоценологических принципов в научных исследованиях сотрудников кафедры фитопатологии и древесиноведения, руководимой И.И. Минкевичем, всегда была последовательной. Кафедра сделала много для того, чтобы теория биогеоценологии органически соединилась с практическими рекомендациями производству. В содержательной работе И.И.

Минкевича «Погода и болезни леса» ученый раскрыл климатическую первопричинность положительных и отрицательных явлений в жизни растений. Многие из этих положений им конкретизированы и подтверждены дополнительными исследованиями в книге «Эпифитотиология грибных болезней лесных пород». Опубликованы и другие интересные работы учеников и соратников И.И. Минкевича: «Погода и болезни культурных растений» (Л. Макарова и И. Минкевич), «Грибные болезни хвойных пород в искусственных ценозах таежной зоны СССР» (В.И. Крутов и др.). Каждая из них представляет несомненный научный, практический интерес и может служить примером творческой преемственности в науке.

Постоянно совершенствуя методы современных научных исследований, на кафедре всегда помнят, что «задний переднему мост». Пройдет время, и нынешнее поколение ученых кафедры станет надежным «мостом» для своих преемников.

В 2004 г. И.И. Минкевич отмечает 55-летие своей сопричастности к лесному делу. Судьба наделила его талантом, который воплотился в практических делах. Они не остались незамеченными или недооцененными его коллегами по работе.

За последнее время в стране появились новые академии: инженерные, коммунальные, строительные, естественных наук и др. По меньшей мере две из них считали за честь иметь в списках своих членов профессора И.И. Минкевича. Надо было только собрать полагающиеся документы и написать заявление. Времени, а главное желания на это у Игоря Ивановича не нашлось.

– Суета все это, – отмахивается он. – На добротном здании не надо вешать этикеток, что оно хорошее: кому надо, тот и так знает. Это и нас касается.

Пусть же наши добрые слова о И.И. Минкевиче будут наградой ему за многие годы нелегкого плодотворного труда и за то, что он идет по непростому и нелегкому жизненному пути в «семейной тишине», достойно, как и полагается истинному русскому интеллигенту.

Картины странствий

(о главном инженере Северного лесостроительного предприятия
Е.Г. Тюрине)

История – наставница жизни, размышления в примерах, которые, к счастью или несчастью нашему, повторяются. Вот и сегодня, разбирая пачку с письмами друзей, наткнулся на пожелтевшую страницу, писанную лет сорок пять назад из далекой коми-пермяцкой деревушки на Елве. Писал письмо мой однокашник по лесной академии Евгений Григорьевич Тюрин.

Поэзия – состояние души. Вот уж кто в глубине души был поэтом, так это Евгений. Достаточно было прочитать десять строк его письма, чтобы физически ощутить пропитанный ароматом хвои воздух северной тайги, хрустальную чистоту торопливых лесных ручьев, петляющих между подер-

нутых лишаями валунов, и житейскую обстоятельность и невозмутимость местных жителей. Вперемешку с этим строками десятков вопросов:

– Как ты? Как Сеннов, Максимов, Чуркин, Васильев, Минкевич, Наумов, другие наши «академики»? Непременно напиши, – требовал Евгений Григорьевич.

Довелось Евгению Григорьевичу больше года странствовать, как лесному консультанту, и по Вьетнаму.

Выбираю из пачки другие тюринские письма. Иные на них адреса. Размашистее, быстрее все тот же красивый Женькин почерк, но в каждом все те же почти живые картины его странствий и опять вопросы, вопросы, на которые никак нельзя не ответить, поскольку они от души, от искренней сопричастности к жизни тех, о ком спрашивает.

Красив наш российский таежный север. Только красота эта замешана у лесостроителей на полугодовых тысячекилометровых переходах, ночевках у костра, комарином жужжании и постоянном опасении за поведение лихих помощников из бывших «зеков». Не прибавляет это лет жизни таксатору. Все четверо вологодских таксаторов из нашего академического выпуска – Лиогенький, Нефедов, Расстановский и Тюрин – до пенсии не дожили. Каждый оставил о себе добрую память. Сегодня вспоминаю лишь об Евгении Григорьевиче Тюрине, друзьями которого считаю всех однокашников, упомянутых в его письмах, независимо от чинов и званий: академиков Семенова, Редько, Моисеева, бывших министра Исаева и «замнаркома» Калущкого, лесничих Желтова, Пчелинцева, Бородаенко, таксаторов в прошлом Агафонова, Чуркина, Богданова и других, к каждому из которых хранил Е.Г. Тюрин до последнего своего часа «верность юной дружбы» и искренней человеческой доброты.

Евгений Григорьевич родился в 1932 г. в нижегородском Арзамасе в семье сельских учителей. Лесотехническую академию он окончил в 1954 г. и более 40 лет отработал в Северном лесостроительном предприятии. Был таксатором, начальником партии, заместителем и начальником экспедиции. В должности главного инженера предприятия состоял он последние 25 лет (1969–1993 гг.). Имя Е.Г. Тюрина значится по меньшей мере на пятистах лесостроительных отчетах вологодских, архангельских, карельских, кировских и многих других лесхозов. Есть его подписи и на лесных описаниях Вьетнама.

Е.Г. Тюрин окончил аспирантуру и защитил диссертацию, не оставляя лесостроительной службы, выкраивая для научной работы дни отпуска и часы из своих выходных дней. Тема диссертации – «Строение и рост смешанных сосново-березовых молодняков Коми АССР: основание хозяйства в них». Ранее он опубликовал таблицы хода роста смешанных сосново-березовых молодняков Коми АССР, в которых нуждались таксаторы. Евгений Григорьевич как главный инженер лесостроительного предприятия оценивал десятки проектов, обобщая опыт инженеров и используя в работе проверенные годами научные знания и богатый практический опыт. По результатам исследований Е.Г. Тюрин успел опубликовать три книги и три

десятка статей. Его работы о формировании лесных молодняков, естественном лесовозобновлении на концентрированных вырубках и лесоустойчивой практике считаются одними из лучших в отечественной литературе по северным лесам.

Евгений Григорьевич был замечательным библиофилом. С какой любовью перебирал он редчайшие издания книг в своих книжных шкафах, как восторженно рассказывал о книгах! История каждой была увлекательным рассказом. Не зря среди его добрых знакомых были Н. Рубцов, В. Белов и другие вологодские литераторы.

Увлечение книгами у Евгения Григорьевича соперничало разве что с любовью к музыке. Бережно, с почтением вынимал он из «самооточного» чехла старенькую расписную нижегородскую гармошку и с ласковым прищуром, в счастливом ожидании знакомых звуков растягивал цветастые меха. Слушатели замирали под очарованием, казалось бы, совсем незамысловатых мелодий, переносивших их в воспоминаниях на тихие речные плесы детства, в пахнувшие медом луга юности, на веселые праздничные застолья уже совсем зрелых лет. Заканчивались такие встречи чаще всего стихами Есенина. Бархатный бас Евгения Григорьевича находил в поэтических строфах удивительные оттенки, о которых не всякий догадывался. Впрочем, как и о многом другом, что привлекало внимание Евгения Григорьевича. Смог же он заметить, что печально известный соловецкий «СЛОН» оставил после себя 7,3 тыс. га лесных культур, дендропитомник и краеведческий музей, а узники В.А. Дектярев и С. Кузнецов заложили в 1927 г. на Соловках дендропарк. Нашел Евгений Григорьевич со своими товарищами в тех местах и лесные посадки у землянки, в которой жил во время войны В.С. Пикуль. Коллеги же его под Ленинградом в течение трех ревизий проходили мимо мест, в которых 10 лет трудился замечательный русский лесовод Теплоухов.

Очерк о Е.Г. Тюрине хочется закончить пушкинскими словами:

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.

Добрая память Евгению Григорьевичу Тюрину и другим сокурсникам, безвременно ушедшим из жизни. Многие лета тем, кому удалось дожить и дослужить до славного нашего юбилея вступления в лесное братство.

Москва

R.V. Bobrov

Half Century of Serving Russian Forest
